

Я хорошо запомнил, когда услышал эту фразу за своей спиной. Тогда мы проезжали по плотине Днепрогэса. Я посмотрел на Днепровские пороги, и в это время сзади кто-то сказал: «Я раньше бывал в Запорожье. Жил в гостинице «Театральная».

«И я бывал, и я жил в этой же гостинице», — самому себе ответил я шепотом. Но как же давно это было.

1977 год, весна. Я служил в армии, в девятой радиотехнической бригаде 16-го корпуса Московского округа ПВО. Нас, двух сержантов с офицером, послали за молодым пополнением в Запорожье. Помню, пришлось нам прожить в городе на Днестре несколько дней. Конечно, томилась. Все-таки не гражданка. Было тепло, даже жарко, а нам приходилось ходить по городу в фуражках и парадной форме. Но ездили мы на берег реки, на пляж. И хоть сам я родом с Волги, к речным просторам привычный, но ширь Днестра меня поразила. Потому и захватил я с его берега камушек на память. Он и сейчас у меня на книжной полке, на даче, среди многих прочих. Конечно, именно его мне уже не найти. Слишком во многих местах довелось за свою жизнь побывать и в качестве сувениров, коль вошло это в привычку, привезти разных камушков. Но то, что он лежит на стеллаже среди прочих — это совершенно точно.

Затем, после долгого перерыва, была поездка на Собор народов Белоруссии, России, Украины. И вот новая встреча — на этот раз в составе большой российской делегации я прилетел на торжественное открытие памятника великому киевскому князю Святославу Храброму.

Но прежде чем рассказать о торжествах, давайте немного вспомним историю. Какие оценки деятельности Святослава давали наши замечательные писатели, ученые, философы, публицисты. Разумеется, нет никакой возможности привести здесь всё разнообразие этих оценок, особенно появившихся за последнее время. Мы будем использовать наиболее авторитетные и общепризнанные (хотя и не бесспорные) источники.

В своей «Истории государства Российского» в главе седьмой первого тома, которая так и называется «Князь Святослав, гг. 945—972» Николай Михайлович Карамзин пишет: «Святослав, сын Игорев, первый князь Славянского имени, был еще отроком. Бедственный конец родителя, новость Державы, только мечом основанной и хранимой, бунт Древлян, беспокойный дух войска, приученного к деятельности, завоеваниям и грабежу, честолюбие Полководцев Варяжских, смелых и гордых, уважавших одну власть счастливой храбрости: все угрожало Святославу и России опасностями».

Мать его Ольга, примерно наказав древлян за гибель супруга своего, побывала в Северной Руси, в области Новгородской, «учредила по Луге и Мете государственные дани; разделила земли на погосты или волости; сделала без сомнения все нужнейшее для государственного блага по тогдашнему гражданскому состоянию России... Утвердив внутренний порядок Государства, Ольга возвратилась к юному Святославу в Киев...».

Она была язычницей, но в силу преклонных лет и в силу того, что «имя Бога Вседержителя уже славилось в Киеве», Ольга захотела быть христианкою. Для этого отправилась в Царьград и там крестилась. «Наставленная в святых правилах Христианства самим Патриархом, Ольга возвратилась в Киев... Ольга, воспаленная усердием к новой вере своей, спешила открыть сыну заблуждение язычества, но юный, гордый Святослав не хотел внимать ее наставлениям. Напрасно сия добродетельная мать говорила о счастии быть Христианином, о мире, коим наслаждалась душа ее с того времени, как она познала Бога истинного... Юноша был непоколебим в своем мнении», но и «не запрещал никому креститься...».

Святослав был молодым и в первую очередь аскетичным, закаленным, мужественным воином. Спал под открытым небом. Питался кониной и мясом диких животных, которое сам жарил на костре. Он объединил русские земли, покорил вятичей, победил ясов и касогов и одержал еще многие замечательные победы, в том числе главную над Хазарским каганатом.

Но, возвращаясь после долгого и кровопролитного похода против Византии с остатками своего войска, он у Днепровских порогов сразился с печенегами (те знали о обессиленности русских) и в этом сражении был убит.

«Таким образом, — заканчивает свою главу Н. М. Карамзин, — скончал жизнь сей Александр нашей древней истории, который столь мужественно боролся и с врагами и с бедствиями; был иногда побеждаем, но в самом несчастии изумлял победителя своим великодушием; равнялся суровою воинскою жизнью с Героями Песнопевца Гомера и снося терпеливо свирепость непогод, труды изнурительные и все ужасное для него, показал русским воинам, чем могут они во все времена одолевать неприятелей».

Сергей Михайлович Соловьев в своем огромном, капитальном труде «История России с древнейших времен», в главе шестой, посвященной Святославу, отмечает: «Славянское язычество, принятое и русскими, могло противопоставить христианству мало положительного и потому должно было скоро преклониться пред ним, но христианство само по себе без отношения к славянскому язычеству встретило сильное сопротивление в характере сына Ольгина, который не мог принять христианства по своим наклонностям, а не по привязанности к древней религии». То есть относительно христианства и возможности принятия его Святославом, Соловьев дает более категоричные оценки. С другой стороны, говоря о его воинской доблести, Соловьев уточняет:

«Святослав совершал свои подвиги с помощью одной своей дружины, а не соединенными силами всех подвластных Руси племен... Святослав набирал воинов многих и храбрых, которые были во всем на него похожи: так можно сказать только об отборной дружине, а не о

войске многочисленным, составленным из разных племен. Самый способ ведения войны показывает, что она велась с небольшою отборною дружиною, которая позволяла Святославу обходиться без обоза и делать быстрые переходы: он воевал, ходя легко, как барс, т.е. делал необыкновенно быстрые переходы, прыжками, так сказать, подобно названному зверю».

А современный наш писатель Семен Иванович Шур-таков в очерке «Святослав — слава Руси, наша слава» так описывает значение побед великого князя киевского для истории Руси, в том числе и теперешней:

«А вот оно и греческое летописание:

«Народ ничем не заявивший себя, непочетный, неименитый, но приобретший себе славу со времени похода на нас, незначительный, но получивший теперь значение».

Красноречивое заявление! Ведь это пусть и сдержанное, как бы вынужденное, признание досель неименитого, но приобретшего славу народа прозвучало из уст «почетного, именитого» грека, к тому же в данном случае врага...

И никто до Святослава не сделал столько для того, чтобы народ юной Руси приобрел и имя, и славу, и значение!».

Вот кому должен был быть открыт памятник на Запорожской земле, и именно ради этого события мы сюда прилетели.

Но поначалу наш маршрут из аэропорта проходил по городу. Автобус остановился у Свято-Андреевского кафедрального собора, где нас встретил Вячеслав Александрович Богуслаев. По его приглашению мы и вступили под своды этого замечательного храма. И трудно было поверить, что еще совсем недавно это был провинциальный кинотеатр имени Т.Г. Шевченко. Но по благословению его высокопреосвященства Василия, архиепископа Запорожского и Мелитопольского и трудами генерального директора ОАО «Мотор Сич» сначала в сентябре 1995 г. была зарегистрирована Свято-Андреевская религиозная община Украинской Православной Церкви Московского патриархата, а затем в 2000 г. дошла очередь и до начала реконструкции здания. Задуман собор был в виде креста с большим центральным куполом и двумя малыми по бокам, колокольней. Теперь в нем три придела. Центральный освящен в честь апостола Андрея Первозванного, правый — в честь преподобного Серафима Саровского, а левый — во имя праздника Благовещения Пресвятой Богородице.

Внутри потолок, своды, стены покрыты позолотой и росписью. Это дело рук художников Василия Феодосиевича Жадана и членов его семьи, которые и до этого уже много потрудились во славу Божию, расписывая храмы в Киеве, Одессе, Самаре, Тернополе, Сочи, Краснодаре, да и еще во многих городах Украины, России, Молдавии. Настоятель собора протоиерей Константин Костюкович рассказал нам не только об истории строительства храма, но и о чудесах мироточения и исцеления, уже в нем произошедших. А из утвари просил всех обратить внимание на ажурное и очень красивое семиярусное паникадило на 140 свечей, сконструированное и изготовленное специально для Свято-Андреевского кафедрального собора. Оно существует в единственном экземпляре и является гордостью прихожан.

Затем, после возложения цветов к памятнику Андрею Первозванному, что установлен на Соборной площади, российская делегация отправилась на остров Хортица в музей казачества.

Но, прежде чем войти в само здание (вокруг которого толпилось много ребятни, привезенной сюда на экскурсию из разных уголков Восточной Украины), Петр Иванович Кононенко повел нас к месту на высоком берегу Днепра, где по преданию (и как полагают историки) и был убит Святослав. Место это отмечено специальным мемориальным «столбиком», и вид от него на реку, на просторы Заднепровья, на город Запорожье открывался совершенно чудесный, словами непередаваемый.

Конечно, невозможно подробно рассказать обо всем, что в этот день мы увидели и перечувствовали. Во-первых, как обычно бывает во время проведения подобных мероприятий, осмотреть все, как-то со всем этим свыкнуться, прочувствовать, для этого просто не хватает времени. А во-вторых, — слишком велика концентрация впечатлений от увиденного и узнанного, чтобы вот так, сразу можно было перенести их на бумагу. Ну, действительно — вот оружие древних воинов (не муляжи, а подлинное, найденное здесь, на этой земле во время раскопок), вот старинные монеты, утварь, доспехи, инструменты... На всем отпечаток прошедших пластов времени. И виной тому не только ржавчина, «съевшая» почти до полного разрушения древние клинки или темный отсвет монет стертого старинного серебра. На всем, в первую очередь, ощущение собирательности и созидания прошлых времен. Все это с трудом пробивается в наше теперешнее сознание, отравленное годами разрушения и разъединения. Хотя, с другой стороны, чтобы противостоять этим ощущениям разрушения и разъединения, мы и приехали сегодня на землю теперешней Украины, в когда-то исконные, колыбельные земли Древней Руси, где и зарождалось наше тысячелетнее государство.

И все-таки я по возможности дольше задерживался у витрин с археологическими находками. Может быть, память о том первом моем пребывании в Запорожье, когда мы еще были единой страной, уже подспудно пробивалась в сердечной обеспокоенности? Наверно, без этого не обошлось. Наверно, некий зов предков все-таки где-то в глубине души или сознания срабатывал, заставлял вглядываться в подлинные, материальные доказательства прошедших веков, являющиеся сгустками того, невероятного далекого от нас теперешних, времени. И все-таки пора ехать дальше. Хотелось бы вновь побывать здесь, но кто знает — удастся ли. Ведь так много изменений произошло за последние годы. Не существует уже ни девятой радиотехнической бригады, ни шестнадцатого корпуса ПВО, командование которых посылало меня когда-то за новобранцами на, в общем-то совсем недалекие по тем представлениям, берега Днепра. Их не только не стало, как боевых единиц, но и на месте бывшего когда-то их расположения снесены казармы, разрушены хозяйственные постройки, здания штабов. Перестала за это время существовать и единая страна. Теперь, чтобы прилететь в Запорожье, я должен пройти через две таможни, две границы, заполнить какие-то документы. Пока все это действует в облегченном безвизовом режиме. Но что будет дальше, как, в какую сторону может повернуться ход событий? С уверенностью об этом сейчас никто не может сказать. Свершившаяся совсем недавно в Киеве «оранжевая революция» тому подтверждение.

А сам памятник открывали на противоположном берегу Днепра. Вышел он на высоком постаменте и обращен был к великой реке, по которой князь с воинством своим многожды плавал на ладьях, отправляясь в дальние походы. Но на этот раз в правой поднятой руке меч свой держал Святослав острием вниз, а рукоятью вверх. И хоть грозен его лик (на голой голове только локон волос, указывающий на знатность рода, в ухе серьга, взгляд тяжел) широкие плечи, коротка, но толста шея, — а все-таки что-то уже говорило в этом образе об удалении от воинских походов. В нем, если можно так выразиться, было больше от мудрости правителя, чем от полководца.

Впрочем, это лично мое мнение, которое может и не совпадать с мнением других или, тем более, с тем, как видит образ князя наш знаменитый скульптор Вячеслав Клыков.

Много было произнесено речей в эти торжественные часы. Многие из них уже опубликованы и нет смысла мне в этих заметках их повторять вновь. Выступали руководители украинского государства, политики и деятели культуры России и Украины. Произнес свое теплое и эмоциональное пастырское слово владыка Василий. Отметил особо победу князя Святослава над Хазарским каганатом скульптор Клыков. Но все

без исключения говорили о том, что мы, русские и украинцы, должны помнить свои корни, свою историю, беречь землю, данную нам Богом, гордиться подвигами наших предков и только тогда мы можем отстоять свое государство, свою культуру, язык, обычаи. Ради этого укоренения истории в сознании людей и открываются памятники нашим героям. Этот, например, появился на берегу Днепра стараниями Вячеслава Александровича Богуслаева и на средства ОАО «Мотор Сич». Великое бескорыстие, работающее на будущее поколение, и уверен, что забытым и неотблагодаренным оно не останется.

А завершался праздник в стилизованном под старину казацком хуторе. Там лихие артисты-воины и из пушки палили, и из ружей стреляли, и на конях с пиками скакали, и прутики в вытянутых руках принятых тут же в казаки заслуженного летчика-испытателя А. Н. Квочура и скульптора В. М. Клыкова кнутами перебивали. Все было вроде бы и весело, и с задором, да что-то мне на сердце не ложилось. Но не стоит тут никого винить — ни мне хозяев, ни им меня. Слишком многое я увидел сегодня подлинного, чтобы восхищаться стилизацией под прошлое, под старину.

Вот с таким чувством приобретенного подлинного я и покидал Запорожье.

15 октября 2005 г, Запорожье

